

УДК 81.316.61

Л. М. Бондарева, Л. А. Кремер

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИИ
БЕРТЫ ФОН ЗУТНЕР «LEBENSERINNERUNGEN»
В СВЕТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Рассматриваются способы языковой манифестации гендерного аспекта в автобиографии «Lebenserinnerungen» австрийской писательницы Берты фон Зутнер (XIX – XX вв.). Анализ осуществляется на примере лексико-семантической категории «Женское», которая реализуется в тексте в рамках соответствующих лексико-семантических подкатегорий в эксплицитной и имплицитной формах. К основным языковым маркерам лексико-семантической подкатегории «Я – женщина», репрезентирующей эксплицитную форму выражения женского начала, относятся автономинации, указывающие на принадлежность к женскому полу. Для имплицитной формы, представленной четырьмя лексико-семантическими подкатегориями, характерно функционирование лексем, референциальная соотносительность которых с «Женским» усугубляется на основе логических и ассоциативных связей.

The article deals with the manifestation of the gender aspect in the autobiography "Lebenserinnerungen" by the Austrian writer Bertha von Suttner (XIX-XX c.c.). The analysis is performed on the example of the lexical-semantic category "The Feminine" which is implemented in the text in reference to lexical-semantic subcategories in explicit and implicit ways. The main language markers of the lexical-semantic subcategory "I am a woman" representing the explicit way of realization of "The Feminine" are self-nominations indicating the female sex. The implicit way presented by four lexical-semantic subcategories is characterized by functioning words whose referential relationship to "The Feminine" is established on the basis of logical and associative connections.

Ключевые слова: Берта фон Зутнер, женские автобиографии, гендерный фактор, лексико-семантическая категория «Женское», лексико-семантические подкатегории, языковые маркеры.

Key words: Bertha von Suttner, women's autobiographies, gender, the lexical-semantic category „The Feminine“, lexical-semantic subcategories, language markers.

С каждым годом в лингвистике возрастает интерес к гендерным исследованиям, свидетельством чему служит ряд соответствующих работ отечественных и зарубежных ученых-языковедов, в частности А. В. Кирилиной, Е. И. Горошко, Е. А. Земской, А. Г. Кировой, Г. Е. Крейдлина, В. В. Щербицкой, Х. Мюллера-Михаэlsa, А. Финка, А. Бандау, А. Хорншейдт и др.

Гендерные исследования в области лингвистики базируются на учете различий в женском и мужском речевом поведении, являющихся следствием «онтологической дифференциации полов» [1, с. 218]. Несомненно,

мненно, указанная разница, неизбежно обнаруживающаяся во всех сферах жизнедеятельности человека, находит свое непосредственное отражение в способах структурирования мужчинами и женщинами текстов различных типов и жанров.

Автобиография как описание собственной жизни более всех других литературных жанров сосредоточена на личности и внутреннем мире повествователя. Таким образом, тексты автобиографий обладают явно выраженным субъективным характером, в немалой мере обусловленным гендерной спецификой создавшего их автора. Следует отметить, что в настоящее время существует определенное количество работ, посвященных исследованию данного жанра с гендерных позиций, например монографии К. Р. Гудман «Weibliche Autobiographien» [3] и М. Вагнер-Эгельхаф «Autobographie» [5], статьи Л. М. Бондаревой «Автобиографический дискурс в свете гендерных исследований» [1], В. В. Щербицкой «Влияние гендерного фактора на жанровое своеобразие современной английской автобиографии» [2] и др.

В русле упомянутой проблемы определенный интерес представляет автобиография «Lebenserinnerungen» австрийской писательницы баронессы Берты фон Зутнер (урожд. графиня Кински (Kinsky)) (1843 – 1914), деятеля международного пацифистского движения, первой женщины – лауреата Нобелевской премии мира.

В процессе исследования было установлено, что в тексте воспоминаний писательницы наиболее приоритетными выступили лексико-семантические категории «Семья», «Дом», «Национальность», «Религия» и «Женское», отражающие особенности индивидуальной картины мира автора.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает лексико-семантическая категория «Женское», репрезентация которой осуществляется в автобиографии Б. фон Зутнер как в эксплицитной, так и в имплицитной формах (рис.).

Рис. Способы актуализации лексико-семантической категории «Женское» в тексте автобиографии Берты фон Зутнер «Lebenserinnerungen»

Языковыми маркерами, характерными для эксплицитной формы выражения данной категории в рамках лексико-семантической подкатегории (далее — ЛСП) «Я — женщина», являются автономинации, свидетельствующие о принадлежности речевого субъекта к женскому полу. В свою очередь, при имплицитной форме в тексте на лексическом уровне функционируют лексемы, референциальная соотнесенность которых с категорией «Женское» устанавливается на основе логических и ассоциативных связей в пределах четырех соответствующих ЛСП: «Мир чувств», «Одежда и украшения», «Свадьба» и «Брак».

Обратимся к рассмотрению маркеров эксплицитной формы выражения лексико-семантической категории «Женское», характерных для ЛСП «Я — женщина». Данная подкатегория представлена ядерными лексемами *Frau, Mädel, Mädchen, Jungfrau, Dame*, а также их синонимами.

Следует отметить, что автобиография Берты фон Зутнер появилась в тот период, когда началась первая волна феминизма и женщины стали вести борьбу за равноправие полов и свободу. Однако, по нашему мнению, акцентированное выражение женского начала у автора воспоминаний не связано напрямую с феминистическими воззрениями. Главное для Берты фон Зутнер — осознание собственной женственности и привлекательности, о чем она неоднократно заявляет с известной долей самоиронии при описании своих юношеских фантазий: «*Ich musste zur fünfzehn-, sechzehnjährigen Jungfrau — der schönsten Jungfrau im Lande — aufgeblüht sein*» [4, S. 43]; «*Der junge Herrscher würde mich einmal erblicken... und mir sofort seine Person zu Füßen legen*» [4, S. 25]; «*Ich mußte eine große Dame werden und im Sturme alle Herzen erobern*» [4, S. 40].

Писательница экспрессивно номинирует себя, постоянно осуществляя самоидентификацию с женским полом на разных возрастных ступенях: «*...dass ich zwar ein dummes Mädel war...*» [4, S. 44]; «*Wenn ich die Gestalten aus meinem reiferen Frauenalter... danebenhalte...*» [4, S. 43] и пр. При этом Берта фон Зутнер подчеркивает многообразие форм проявления своей женской сущности: «*Sondern sehe ich nebeneinander stehend die verschiedensten Mädchengestalten...*» [4, S. 43].

Нередко автор использует в тексте инклюзивное местоимение *wir*, подразумевая под ним себя и свою подругу и акцентируя, таким образом, факт женской солидарности: «*Wir beiden Mädchen entbrannten in Freundschaft zueinander*» [4, S. 47]; «*Im Alter paßten wir zwei Mädchen sogar besser zueinander*» [4, S. 50] и т. д.

Как очевидно, в подобных случаях Берта фон Зутнер стремится открыто декларировать свое женское начало.

Что касается имплицитной формы выражения лексико-семантической категории «Женское», то она включает в себя четыре ЛСП, к которым относятся «Мир чувств», «Одежда и украшения», «Свадьба» и «Брак».

Доминирующее положение при этом занимает ЛСП «Мир чувств», для языковой реализации которой характерно большое количество эмоциональной и экспрессивной лексики, что само по себе свойственно большинству женщин. Однако примечателен тот факт, что эмоциональность Берты фон Зутнер носит преимущественно негативный характер, наиболее ярко проявляющийся в тех фрагментах текста, где

автор вспоминает о своих детских годах. По нашему мнению, данное обстоятельство может свидетельствовать о сложности процесса становления и взросления писательницы, а также о строгом воспитании девочек в XIX в.: «*Da breche ich in wildes Schluchzen aus, getäuscht, gekränkt, gedemütigt*» [4, S. 27]; «*Nicht so sehr mit Worten als mit Heulen und Trampeln...*» [4, S. 29]; «*Endlich legte sich das wilde Schluchzen – ich würde ins „Winkler“, d.h. in eine Ecke gestellt...*» [4, S. 37]; «*Warum dieser Vorfall sich mir so tief in die Seele prägte*» [4, S. 41]; «*Mit einem unterdrückten Ekelschrei reiße ich mich los, und in mir steigt ein leidenschaftlicher Protest auf – Nein, niemals...*» [4, S. 55].

Проявлением женского начала в тексте автобиографии австрийской писательницы становится и описание ее чувств к мужчинам, причем об этих чувствах говорится с разной степенью эмоциональности. О своей первой «влюбленности» в раннем возрасте Берта фон Зутнер пишет с иронией, упоминая в качестве объекта девичьих мечтаний самого императора Франца Йозефа: «*Meine erste Liebe war niemand Geringerer als Franz Joseph I., Kaiser von Österreich. Gesehn hatte ich ihn zwar nie – nur sein Bild-, aber ich schwärmte heftig für ihn*» [4, S. 61]. Более поздние, искренние чувства писательницы, которые она испытывала к Фридриху, жениху своей близкой подруги, изображаются в тексте автобиографии достаточно подробно, с упоминанием самых мелких деталей, в результате чего в данных фрагментах активно используются лексемы позитивной семантики: «*...ich rief mir die Züge des so glühend Bewunderten ins Gedächtnis zurück, und bald konnte ich nicht begreifen, dass ich mich schon damals verliebt hatte – jetzt, jetzt fing es auch in meinem Herzen zu brennen an. Ich erinnere mich genau, wie es einmal deutlich über mich kam, das Bewusstsein, dass ich ebenso verliebt war in den unwiderstehlichen Friedrich...*» [4, S. 65].

Несмотря на повышенную эмоциональность Берты фон Зутнер, о своем первом поцелуе с нелюбимым женихом писательница рассказывает достаточно сдержанно, намекая в соответствующем фрагменте текста на испытываемые ею негативные чувства лишь в рамках последнего предложения, которое находится в определенном диссонансе с описываемыми событиями: «*Noch ein Bild: Ein Nachmittag bei uns. Mein Bräutigam und ich sind zum ersten Mal allein. „Bertha, weißt du, wie entzückend du bist?“ Er umschlingt mich und drückt seine Lippen auf die meinen. Der erste Liebeskuß, den ein Mann mir gegeben. Ein alter Mann, ein ungeliebter Mann*» [4, S. 72].

К способам экспликации ЛСП «Мир чувств» мы также отнесли частое употребление модальных слов и существительных с семантикой сомнения и отчаяния: «*...dass das Wetter sich verzieht, dass es wahrscheinlich regnen wird*» [4, S. 37]; «*Ja, Verzweiflung: dass es so großen Kummer geben könne auf der ganzen Welt und dass darüber die Welt nicht einstürzt...*» [4, S. 40]. Достаточно часто Берта фон Зутнер говорит о переживаемом ею чувстве стыда, что сопровождается определенным самобичеванием, так как она абсолютно откровенно рассказывает читателю о своем равнодушии к смерти опекуна: «*Ich schäme mich, es wieder zu sagen, aber dieses Ereignis machte mir keinen Eindruck – gar keinen*» [4, S. 72]. Особое место в воспоминаниях писательницы также уделяется упоминанию присущей ей интуиции, характерной преимущественно для женщин (напр.: «*Ich ahnte nichts Gutes...*»).

Таким образом, языковые маркеры, являющиеся реализаторами ЛСП «Мир чувств» в автобиографии Берты фон Зутнер, носят гендерно обусловленный характер, что позволяет читателю соотносить описываемое в тексте с проявлениями типично женской картины мира.

Следующей имплицитной формой выражения женского начала служит ЛСП «Одежда и украшения». С особым трепетом, в деталях Берта фон Зутнер описывает платье, в частности одно из своих самых красивых детских платьев: «*Ein weißes Kaschmirkleidchen, ausgenäht mit schmalen roten Borten...*» [4, S. 37]; «*Wie würde die Umwelt staunen, wenn sie das erblickte!*» (S. 37); «*Ich fühlte mich schön, schön positiv darin!*» [4, S. 38].

Однако писательница восхищается не только своими нарядами. При описании других женщин Берта фон Зутнер почти всегда упоминает одежду (*strahlend gekleidete, schöne und energische Wesen; das rotgestrickte Röckchen* и т. д.), в чем очень ярко проявляется ее истинно женская сущность. Безусловную важность роли одежды и украшений в жизни писательницы подтверждает и тот факт, что уже при первом упоминании своей матери автор описывает ее в красивом платье и с ожерельем на шее: «*Meine Mutter kommt ins Kinderzimmer; sie trägt ein schönes Kleid, wie ich es noch nie an ihr gesehen habe und Schmuck auf dem bloßen Hals*». [4, S. 39]. О различных украшениях говорится также в других фрагментах воспоминаний, напр.: «*...und zeigte mir ihre Schätze – eine Prachtsammlung von Diamanten, Edelsteinen und Perlen. Eine kleine, hübsche Brilliantbrosche holte sie heraus...*» [4, S. 68]. Нередко автор уделяет внимание процедуре женского туалета в целом: «*Als ich aber, statt weiter geschmückt zu werden...*», «*Und als wir Toilette machen wollten...*» и др.

При языковой манифестации ЛСП «Свадьба» и «Брак» в тексте воспоминаний Берты фон Зутнер проявляется существенное влияние эпохи, в которую жила писательница. Как известно, в XIX в. женщина, ограниченная в возможности социальной реализации, была вынуждена видеть основную цель своей жизни в сфере семейных отношений. Безусловно, достаточно подробно проблемы замужества и женитьбы освещаются автором при описании собственной свадьбы: «*...und eines schönen Morgens, es war am 12. Juni 1876, fuhr ich, im Reisekleid und Hut, zur Gumpoldskirchner Pfarrkirche; mein Verlobter erwartete mich dort... und in einer Seitenkapelle sprach uns ein uralter Priester zusammen. Wir waren Mann und Frau*» [4, S. 167]; «*Wir waren überhaupt so furchtbar entzückt über unser Zusammensein...*» [4, S. 168]; «*Unser Hochzeitsreise-Ausflug nach dem Kaukasus hat neuen Jahre gedauert. Lange Flitterwochen!*». Однако вопросы матримониального характера вызывают неизменный интерес автобиографа и при описании посторонних лиц, в частности дочери княгини Екатерины Александровны Дадиани («*Die Tochter würde wohl inzwischen schon verheiratet sein...*» [4, S. 102]) или друга отца – графа Фридриха фон Фюрстенберга («*Er starb unverheiratet*» [4, S. 39]; «*Er selbst hat, obwohl der Mannesstamm mit ihm erlöschen sollte, nicht ans Heiraten gedacht...*» [4, S. 40]), что вряд ли нашло бы такой же живой отклик на страницах мужских воспоминаний.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что при описании отдельных личностей автор считает нужным уточнять факт законности их рождения (напр.: *eines ehelichen Sohnes; einer ehelichen Tochter*), что, как мы полагаем, обусловлено принадлежностью писательницы к высшим кругам общества, где данный вопрос имел особый вес в связи с проблемами наследства. Определенную роль в воспоминаниях Берты фон Зутнер играют текстовые фрагменты, посвященные чтению будущей писательницей книг о любви и браке, чем она увлекалась в юности и что служило обязательной ступенью подготовки женщины к семейным отношениям: «*Das kommt wohl daher, weil ich keine gleichaltrige Gespielin gehabt, sondern nur in der Welt der Bücher lebte, deren Helden keine Kinder, sondern Erwachsene waren, deren Lebensschicksale sich zumeist um Liebe und Ehe drehten...*» [4, S. 44] и т. д.

Как следует из вышеизложенного, в тексте автобиографии Берты фон Зутнер достаточно репрезентативно в эксплицитной и имплицитной формах представлена лексико-семантическая категория «Женское», которая реализуется в рамках пяти ЛСП: «Я-женщина», «Мир чувств», «Одежда и украшения», «Свадьба» и «Брак». При этом для эксплицитной формы выражения «Женского» характерно употребление номинаций, обозначающих представительниц женского пола, к которым писательница постоянно причисляет себя. Говоря об имплицитных формах актуализации указанной категории, возникающих на основе онтологически обусловленных логических и ассоциативных связей, можно констатировать, что в данном случае явное предпочтение автор отдает описанию пережитых чувств, женской одежды и аксессуаров, а также событий, связанных со свадьбой и браком.

Убедительный характер реализации лексико-семантической категории «Женское» в автобиографии Берты фон Зутнер «*Lebenserinnerungen*» позволяет сделать вывод о том, что субъективность и экспрессивность, свойственные данному жанру, способствуют наиболее яркому раскрытию природы личности автора, свидетельствуя в данном случае о принадлежности речевого субъекта к женскому полу. В результате не вызывает сомнения тот факт, что литературный жанр автобиографии имеет несомненный потенциал для дальнейших лингвистических исследований в гендерном аспекте.

Список литературы

1. Бондарева Л. М. Автобиографический дискурс в свете гендерных исследований // Интерпретация. Понимание. Перевод : сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 214 – 223.
2. Щербицкая В. В. Влияние гендерного фактора на жанровое своеобразие современной английской автобиографии // Молодые вчений. 2014. №1. С. 91 – 94.
3. Goodman K. R. Weibliche Autobiographien // Frauen Literatur Geschichte. Schreibende Frauen vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1999. S. 166 – 176.
4. Suttner B. von. Lebenserinnerungen. Berlin, 1990.
5. Wagner-Egelhaaf M. Autobiographie. Stuttgart ; Weimar, 2000.

Об авторах

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Любовь Андреевна Кремер — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: cremer.liubov2010@yandex.ru

About the authors

Prof. Lyudmila Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Liubov Cremer, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: cremer.liubov2010@yandex.ru

31

УДК 81'37

А. В. Марьина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО И ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТОВ КОНЦЕПТА ДОМ И НОМЕ/HOUSE В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрены способы репрезентации понятийного и ценностного компонентов концепта ДОМ и НОМЕ / HOUSE в рекламном дискурсе. Материалом для анализа послужила современная российская и британская реклама. Результаты исследования демонстрируют ряд общих особенностей в экспликации концепта, обусловленных характеристиками рекламного дискурса.

The article describes the representation of the categorial and axiological components of the concept ДОМ and НОМЕ / HOUSE in advertising discourse. The analysis is based on the examples of modern Russian and British advertisements. The article points out a number of generic peculiarities of the explication of the concept caused by the characteristics of advertising discourse.

Ключевые слова: концептуальный анализ, рекламный дискурс, концепт ДОМ, концепт НОМЕ / HOUSE.

Key words: conceptual analysis, advertising discourse, concept ДОМ, concept НОМЕ / HOUSE.

Структура концепта

Концептуальные исследования находятся на пересечении когнитивной лингвистики, занимающейся вопросом о структурировании знаний о мире в языке, и лингвокультурологии — науки, которая изучает воплощение материальной и духовной культуры в национальном